



ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

КОМБРИГ ИЗ БУДУЩЕГО

Остановить Панцерваффе!



УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т22

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Руденко*

Таругин, Олег Витальевич.

Т22 Комбриг из будущего. Остановить Панцерваффе! / Олег Таругин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-92867-5

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Комбат».

Офицер из будущего на Великой Отечественной войне.

Заброшенный в август 1941 года, на должность командира танковой бригады, «попаданец» должен нанести контрудар под Смоленском и любой ценой удержать стратегический мост через Днепр.

Комбриг из будущего против Гудериана и Гота! Т-34 и КВ против немецких панцеров и «штук». Сталинские танкисты стоят насмерть, исполняя приказ: «За Днепром для нас земли нет!»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92867-5

© Таругин О.В., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Несмотря на то что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших Героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет по возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей.

Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времени» (forum.amabrov.ru).

Спасибо большое, друзья!

ПРОЛОГ

Москва, Кремль, июль 1941 года

— А вот скажите, товарищ маршал, что вы думаете про боевые действия капитана Минаева, о котором докладывал генерал-лейтенант Карбышев? Он его очэнь хвалил.

Неожиданный вопрос поставил командующего Западным фронтом в тупик. Нет, Тимошенко прекрасно знал, что, выслушивая доклады подчиненных, Вождь не оставляет без внимания ни одной мелочи. Но обычно это касалось куда более значимых фигур, чем какой-то там командир батальона. С другой стороны, отчего же «какой-то там»? Если верить Карбышеву, именно его информация и решительные действия помогли предотвратить катастрофу наших войск под Белостоком.

— Ну, смэлее, товарищ маршал! Неужэли вам нечего сказать?

Прокашлявшись, Семен Константинович ответил:

— Товарищ Сталин, действия комбата Минаева считаю высокопрофессиональными и правильными.

— Но вэдь он нарушил приказ? — Ухмыльнувшись, Иосиф Виссарионович сделал затяжку, на несколько секунд окутавшись густым облаком табачного дыма. — Поддался на правакацию, так получается?

Ну, и что отвечать? Все так и обстоит — этот странный комбат и на самом деле нарушил все мыслимые и немыслимые довоенные приказы, в итоге оказавшись победителем. Значит, придется говорить, как думает — любую, даже самую малую ложь Вождь почувствует мгновенно.

— Товарищ Сталин, разумеется, нарушение приказа есть преступление. Но именно благодаря своим решительным действиям капитан Минаев не только спас батальон, но и оказал противнику серьезный отпор. И существенно помог в сложившейся на этом участке фронта ситуации, так что товарищ Карбышев прав. В конечном итоге на Минском направлении противник понес значительные потери в живой силе и технике и существенно снизил темп наступления. Считаю его поступок оправданным в данной конкретной ситуации.

— Палучается, иногда полезно поддаваться на правакации? — хмыкнул собеседник. — На этот вопрос можете нэ отвечать. Скажите, а как ви думаете, откуда у него настолко точная информация о начале нэмецкого нападэния? По радиосвязи он называл даже точное время артиллэрийского обстрэла.

— Мне кажется, со временем он просто угадал. Прошедший две войны опытный командир не мог не понимать, что рассвет — идеальное время для неожиданного удара. Что же до даты... Во-первых, как вы, товарищ Сталин, прекрасно знаете, в последние недели пограничники часто задерживали перебежчиков с польской стороны. Двадцать второе июня они также называли, и не один раз. Ну а во-вторых,

он мог предположить, что для нападения немецкое командование выберет именно самый длинный день в году. В подобном случае я поступил бы так же.

— Харашо, я вас понял. А пачиму другие комбаты так же не паступили, как считаете? Ни один.

— Не могу знать, товарищ Сталин.

— Вот и я нэ знаю... — задумчиво протянул Иосиф Виссарионович, аккуратно кладя трубку на край массивной пепельницы. — Хотя очэнь бы хотэл знать. Где он сэйчас?

— К сожалению, товарищ Сталин, он, вероятнее всего, попал в окружение в последних числах июня. Где он сейчас, я не знаю. Возможно, погиб или попал в плен.

— Что у миня за такие маршалы, которые не толко начало войны праваронили, но еще и про своих падчиненных ничего не знают? — без угрозы в голосе произнес тот, снова усмехаясь. — Нэкомпетентные какие-то, да. Это я так шучу, таварищ Тимошенко, нэ напрягайтесь. Зато таварищ Сталин знает. Он вишел из окружения вместе с сотрудином особого отдела, мне таварищ Михеев¹ доложил. Ступайте, Семен Константинович, ви свабодны. И воуйте изо всэх сил. Изо всэх, харашо? Нам сейчас главное — не допустить захвата противником Смоленска, вэдь оттуда прямая дорога на Москву.

¹ Михеев, Анатолий Николаевич, комиссар государственной безопасности 3-го ранга, с февраля по сентябрь 1941 года — начальник 3-го Управления НКВД СССР (особые отделы). Героически погиб в бою 12 сентября 1941 года.

Дождавшись, пока ломающий голову, к чему был весь этот разговор, маршал покинет кабинет, Сталин взял в руку трубку и откинулся на спинку кресла, размышляя. Все же что-то с этим героическим комбатом не так, очень сильно не так. Из окружения-то он вышел, вернее, был выведен повстречавшейся по дороге разведгруппой, вот только на утро следующего дня внезапно потерял память. Причем не полностью, а, так сказать, избирательно, напроочь позабыв все, что происходило начиная с рассвета двадцать второго. Правда, за пару дней до того его контузило, но Иосиф Виссарионович отчего-то всем своим существом ощущал, что все не так просто. Непонятно, совсем непонятно. А подобного привыкший знать все и про всех Вождь очень не любил. Нет, определенно что-то тут не так! И потому не стоит оставлять все в ведении Третьего управления. У него найдется кому заняться подобными... загадками. Меркулова¹ подключить? Нет, тоже не тот уровень. Грамотный товарищ, спору нет, бывший зам Лаврентия, и все же что-то подсказывало Вождю, что и этот выбор неверен. А собственным чувствам Иосиф Виссарионович привык доверять. Были в прошлом, знаете ли, *прецеденты*.

Докурив, товарищ Сталин аккуратно положил потухшую трубку в пепельницу, чтобы горячий пепел впитал влагу из мундштука, и приказал соединить его с наркомом внутренних дел...

¹ Меркулов, Всеволод Николаевич, в описываемый период — нарком НКГБ СССР.

ГЛАВА 1

Земля, далекое будущее

На этот раз Кобрин в бар не пошел — просто не хотелось. Побродив до темноты в городском парке, Сергей вернулся в комнату офицерского общежития. Особого волнения не было, скорее наоборот: ему *хотелось* поскорее снова отправиться в прошлое. За прошедший год воспоминания о проведенных в сорок первом днях так и не стерлись из памяти, лишь стали менее острыми, будто окатанная морскими волнами галька. Уже не ранили гранями, оставляя на душе кровоточащие раны, как первые месяцы, но по-прежнему лежали тяжким грузом. Где-то рядышком с теми воспоминаниями, что он привез с Терры-3 и Вирджинии.

Но было и еще кое-что. То, о чем он не рассказал на обязательном собеседовании штатному психологу академии, старому знакомцу с общевойсковыми майорскими погонами и холодным взглядом сотрудника спецслужб. Хоть тот и настойчиво интересовался, не замечал ли Кобрин за прошедший год чего-нибудь необычного.

Спустя несколько месяцев после возвращения в свое время ему неожиданно стали сниться сны, чего в прошлой жизни практически не наблюдалось. И снилась ему война. Нет, не боевые действия на колонизированных планетах — Великая Отече-

ственная. Иногда он видел во сне комбата Минаева, но гораздо чаще — особиста. В основном сновидения воспроизводили пройденные им бои, однако порой он разговаривал с Виктором. Увы, напрочь забывая к утру, о чем именно. Оставалось лишь эдакое размытое послевкусие; невнятное ощущение того, что Зыкин всерьез на него обижен. Эх, если б не это проклятое «ответвление от основного потока»! Он мог бы попытаться найти Витьку, все-таки уровень командира бригады куда как повыше простого комбата! Но, увы, шансов ничтожно мало. Вряд ли научники ошибаются и он снова попадет в реальное прошлое...

А с Витькой они так, по сути, и не договорили. Даже попрощаться толком не успели. Встреченные в лесу — точнее, бесшумно подобранные со спины, так что минус тебе, товарищ командир штурмовой роты! — разведчики проводили их до своих. Не в полном составе, разумеется. Основная часть группы продолжила выполнять задание, а один из ребят довел их до безопасного коридора. Уже через полтора часа товарищи были в расположении готовящихся к обороне советских войск. У местного контрразведчика они практически не задержались: ежедневно из окружения выходило множество красноармейцев, почти все с оружием и документами, так что опрос в особом отделе оказался чисто формальным. Да и наличие рядом Зыкина свою роль сыграло. Замотанный лейтенант ГБ с красными от усталости глазами молча выслушал рассказ Сергея, уточнив, может

ли подтвердить его слова генерал-лейтенант Карбышев, и дал на подпись протокол. Виктора к этому времени уже отправили с попуткой в госпиталь — местный «молчи-молчи», как выяснилось, оказался очередным его знакомцем, так что тут лишних вопросов не возникло. В итоге Кобрину вернули оружие, командирскую книжку и отпустили отдыхать. Спать пока еще комбат ложился в самом мрачном расположении духа, прекрасно понимая, что пробудиться в этом времени ему уже не суждено.

Как, собственно, и вышло.

А потом, примерно через месяц, его начали посещать эти неожиданные сны...

Особенно запомнился один — когда ему, впервые в жизни, приснился пропавший без вести прапрадед, лейтенант-разведчик Федор Кобрин, сгинувший где-то в белорусских лесах в июне сорок первого года. Как ни странно, это оказался единственный сон, содержание которого он более-менее запомнил. Предок трясся в кузове полуторки по очередной пыльной грунтовке, каких Сергей за проведенные в прошлом дни перевидал великое множество, баюкая на груди раненую руку. Отчего-то капитан точно знал, что ранение неопасное, немецкая пуля пробила бицепс навылет, не задев кость, но разведчика, несмотря на протест, все равно отправили в госпиталь вместе с другими ранеными.

Сидящих рядом красноармейцев Кобрин не запомнил, хоть один из них, тот, что сидел

к прапрадеду вполоборота, и показался подозрительно знакомым. В том, что это именно предок, Сергей отчего-то нисколько не сомневался. Сначала Федор равнодушно смотрел поверх дощатого борта куда-то вдаль, коротко морщась от боли в раненой руке, когда грузовик особенно сильно подбрасывало на дорожных неровностях. Затем, словно почувствовав что-то, чуть повернул голову, безошибочно найдя взглядом глаза Кобрин. Едва заметно улыбнувшись, произнес, не раскрывая губ, — слова будто отпечатывались в разуме:

— Ну, здорово, внук! Ничего, что я эдак, запросто? А то пока все эти «пра-пра-пра» выговоришь, язык сломаешь...

— Здорово... дед, — так же безмолвно ответил капитан. — Ничего, конечно. Э-э... как сам?

— А чего мне сделается? Живой, как видишь. А рана — пустяк, заживет как на собаке. Обидно даже, что в госпиталь определили, мог бы и дальше бегать. В *прошлый раз* хуже вышло, осколком мне бедро аж до самой кости разворотило, пришлось остаться, чтобы отряд не задерживать. Так и помер в лесу без вести пропавшим да непохороненным.

— В прошлый раз? — искренне не понял Сергей. — Это как так?

— А сам разве не понимаешь? Эх, молодежь... Ладно, объясню. В прошлый раз моя разведгруппа на немцев напоролась, когда мы лазейку к нашим из Белостокского котла искали. Там я свой оско-

лок и словил. Пока мои ребята уходили, сдерживал немцев, сколько мог. Потом патроны кончились, да и крови много потерял. Но сейчас никакого котла не случилось, вот и судьба моя по другой колее пошла-поехала. Так что спасибо, внук, подмог. Повоюю еще. Вот руку чуток подлечу и обратно на фронт. И недели-другой не пройдет, как добьюсь выписки, верно тебе говорю! Нечего мне попусту на койке валяться, когда вокруг такие дела творятся.

— Так... — Сергей попытался собрать в кучу скачущие стреляными гильзами мысли. — Так значит, теперь ты, э-э, без вести не пропадешь? Правильно понимаю?

— Может, и не пропаду, — невозмутимо пожал здоровым плечом разведчик. — А может, и вовсе наоборот, кто ж его знает? То мне неизвестно, это ж ты из будущего, не я.

— Дед, а как же...

— Все, — неожиданно резко отрезал тот. — Большого ни тебе, ни мне знать не положено. Иди и сражайся, не посрами ни меня, ни других предков. И знай, Сережа, я тобой горжусь. Правильную ты профессию выбрал, мужскую. Так держать. Родину защищать всегда почетное дело, где бы она, Родина та, ни находилась.

Прапрадед весело подмигнул и отвернулся. Кобрин растерянно поглядел на его короткостриженный затылок и перевел взгляд на сидящего рядом командира, неожиданно узнав в том Витьку Зыкина. Ну да, точно он, как же сразу-то не понял?! Радостно вскинувшись, хотел было окликнуть товарища, по-